

Анатолий НЕВЕРОВ

г. Северодвинск

ШАГ В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

рассказ

1

Милицейский «козлик», как обычно, затормозил возле одноэтажного деревянного дома с неброской вывеской «Сберегательная касса». В мае окрашенный охрой, он уже через пару недель почти не выделялся среди других зданий: ветер со стороны Северной Двины хозяйничал в проулке, безжалостно покрывая фасады домов придорожной пылью. Главным отличием этого строения были решётки на окнах да массивная железная дверь.

У крыльца в ожидании машины стояла невысокая пышноволосая девушка в голубом платье в горошек с белым воротничком. Она улыбнулась и театрально постучала пальцем по запястью левой руки.

— Мария Спиридоновна, вы опять раньше нас, — бросил старшина, выскочивший из машины с туго набитой холщовой сумкой в руке. — На свидании мужчина должен ждать девушку, а не наоборот!

— Вот пригласите на свидание, тогда и пождёте, а к работе это не относится, — приветливо отозвалась девушка.

— Где ж вы раньше были, пока я холостым гулял? Встретились бы мне до войны — ни за что не упустил бы такую красоту. Признаюсь, — он понизил голос и заговорщицки оглянулся, — мне нравятся милашки с тёмными кудрями.

Девушка наигранно вздохнула и, оправив платье, сказала:

— Ну что ж, буду дальше ждать своего героя, похожего на вас.

— А чем Филиппов не устраивает? — спросил старшина, обернувшись на коллегу, вылезшего из «козлика» вместе с ним. — Не человек — скала. Надёжный, добрый... Незаговорчивый только, зато слушает внимательно.

— Опять вы, товарищ старшина, со своими шуточками... — угрюмо процедил Филиппов.

Мария неторопливо поднялась на просторное крыльцо и открыла навесной замок, а подошедший сержант помог ей снять тяжёлый засов.

— Хорошо здесь у вас, прохладно, — зайдя

внутри, позавидовал старшина, — а нам ещё целый день по жаре мотаться. Мария Спиридоновна, распишитесь за сумку, да мы поедем, — попросил он, протягивая девушке журнал.

Кассир сверила пломбу, осмотрела сумку и поставила в документе подпись.

Проделав регулярную служебную процедуру, милиционеры пошли в сторону машины.

— Слушай, Саня, — обратился старшина к Филиппову вполголоса, — я тебе ещё раз говорю: проворонишь деваху — локти кусать будешь! Она уже немолодая, ждать не станет. Забрала война твою невесту — смиришь. Пора оттаивать.

— Сам разберись! — отрезал сержант.

— Эх... — старшина хотел сказать что-то ещё, но передумал и дёрнул ручку автомобильной дверцы.

Машина уехала.

Мария отворила широкую дверь с откидным окошком и вошла в помещение кассы. Свет через высокое окно лился прямо на рабочий стол. «Скоро и здесь будет нечем дышать», — подумала девушка и сдвинула тяжёлые шторы, оставив лишь небольшой просвет.

Она вытащила из ящика затёртые счёты, штампы, прошитые толстой ниткой журналы, и пристроила всё это на краю стола. Вставила ключ в дверцу сейфа, забившегося в дальний угол каморки, и, открыв её, разложила по ячейкам разноцветные купюры. Затем принялась аккуратно карандашом по линейке чертить в тетради таблицу.

Краем глаза Мария увидела жёлтый платок, мелькнувший за окном. Через мгновение раздался робкий стук в окошечко кассы. Приоткрыв его, кассир услышала мелодичный юный голосок:

— Доброго дня, голубушка.

Мария уже привыкла к наигранной вежливости людей, которым от неё что-нибудь требовалось.

— Вот, добрались до вас наконец... — молодая посетительница через маленькое окошко искала глазами кассира, продолжая говорить. — В конторе сказали, что здесь можно компенсацию на них получить, — она протянула четыре талона. — Мы с Хабарки приплыли. У нас на острове нет кассы. Еле уговорила сосе-

да со мной поехать, с ним смелее. Хотя грести-то самой приходится — у него с войны рука не разгибается. Села за вёсла — мне не привыкать. Река тихой была, а к середке подплыли — северко в борт заколотил... Кажется, погода портится — боязно обратно плыть, но надо. — Девушка, нервничая, покусывала уголок платка.

— Ваш паспорт, — попросила кассир, изучив талоны.

Клиентка протянула завёрнутый в газетную страницу документ и продолжила:

— У меня дед с татой сети по весне ставили, да лодка опрокинулась... Оба потонули. То ещё до войны было. Я потом долго к реке подходить боялась.

Мария раскрыла паспорт, пробежала глазами сверху вниз: бессрочный, Шубная Надежда Яковлевна. Взгляд застыл на фотографии. На мгновение она словно узнала на снимке себя: «Как похожа... И глаза мои, и такая же родинка на левой щеке...» Мария внимательно посмотрела на клиентку — та от неожиданности примолкла. «Показалось», — подумала кассир и неторопливо отчитала указанную сумму. Когда посетительница расписалась в нужной строчке и взяла деньги, Мария холодно с ней попрощалась.

Развернувшись на стуле, она посмотрела в окно и увидела, как девушка, выйдя на крыльцо, скинула с головы платок, чтобы его перевязать. На её плечи упали тёмные кудри. «А ведь и вправду на меня похожа!» — Мария от удивления привстала и, прячась за шторой, продолжала смотреть на посетительницу до тех пор, пока та не скрылась из виду.

За рабочими хлопотами незаметно завершился день. В ожидании милиционеров кассир опечатала сумку с деньгами и стала собирать документы, как вдруг обнаружила в ящике стола чей-то паспорт в газетной обложке. Открыв документ, прочитала: «Шубная Надежда Яковлевна». Любопытный взгляд Марии остановился на дате рождения: «На три года моложе меня». Ей стало досадно от своей забывчивости, но она успокоила себя: «Ладно, верну при встрече...» — и положила паспорт в ящик.

2

В маленькой комнате, которую снимала Мария в деревянном двухэтажном доме, было всё необходимое: стол, небольшой шкаф, две кровати вдоль стен и её любимая подушка, привезённая из родительского дома.

— Куда подушку-то поволокла? Барахла, что ли, мало набралось? — недовольно выговаривала мать, когда дочь собирала вещи перед отъездом в город. — У Егора и так телега полнёхонька, а ещё ты со своими пожитками! Сама-то рядом потопаешь?

— Могу и рядом, если надо, но её возьму, — отвечала Мария, засовывая подушку в мешок.

Разве могла она расстаться с ней? В минуты и радости и горя та подушка была вернее лучшей подруги. Сколько девичьих слёз Мария пролила на подушку после горького известия о гибели жениха в начале войны на Ленинградском фронте!

С давних пор переглядываются через речку Топса две деревни — Слуда и Чубаково. Долго и Василий приглядывался к Марии, пока не сделал ей предложение. На осень наметили свадьбу в родной Васиной Слуде. Урожай с огорода радовал, бочонок с брагой нескромно пыхтел, ожидая праздника, даже грибов успели заготовить — добротной и весёлой намечалась свадьба. Но за три дня до назначенной даты поехал Василий к невесте в Чубаково, да оступился конь, переходя вброд реку, и подмял жениха под себя.

— Плясать его на ломаных ногах никто не заставляет, пусть сидит за столом и песни поёт! — предложил Васин брат. — Не отменять же свадьбу!

— Не дело говоришь! — урезонил сына отец. — И примета плохая. В следующем году тоже осень будет. Эту брагу выпьем за здоровье жениха, а вот новую будем пить за здоровье молодых.

А на следующий год началась война, и Василий ушёл на фронт в первых рядах. Так и не довелось выпить отцу бражки на свадьбе. Вскоре после пришедшей на сына похоронки старик слёг и больше не поднялся.

3

В Мариино окошко неторопливо постучали. Так мог стучать лишь дядя Егор — брат матери. Мария отвела рукой занавеску и встретила с его приветливой улыбкой. Она радостно кивнула, приглашая родственника войти внутрь.

— А я сунул руку за косяк — нет ключа. Сразу понял, что ты, Машуня, дома, — с порога начал он.

— Да где ж мне быть-то, дядя Егор? Спать пора, завтра на работу. — Мария обняла его. — Садись за стол, накормлю. Чего так поздно?

Она выложила на стол краюшку хлеба, две варёные картошины, поставила миску с обветренным куском солёной трески.

— Пока вещи развёз, пока коня пристроил... — дядя Егор стянул пыльные кирзачи, оставил их у порога, накинул кепку на вбитый в стену гвоздь и шагнул к столу. — Сказали, может, несколько дней придётся ждать обратной дороги, пока груз соберут. Так что в этот раз подольше у тебя погощу. Кровать-то вторую ещё никто не занял?

— Нет, дядя Егор, одна в комнате живу, — не обращая внимания на брошенный намёк, ответила молодая хозяйка. — Что ты всё возишь-то?

— Да шут знает. Моё дело маленькое: что приготовят в сельсовете, то и везу, вопросов не задаю. Я радуюсь, когда в город отправляют, — тебя вот увижу. Да по пути подкину кого: люди за это деньгу сунут или продуктов дадут — вот и приработок. С пустыми руками из города ещё ни разу не возвращался, — дядя ухмыльнулся. — Да ведь благодаря этой работе я и тебя-то в город пристроил. Вовремя ты, Мария, окончила в районе курсы кассиров, да вовремя я услышал, что на склад работник требуется. Вот и срослось. А сейчас ты, вишь, уже в сберкассе, — гость с важностью поднял указательный палец. — Сама-то как поживаешь? Ведь по снегу в последний раз у тебя бывал; рассказывай, а я пока твоё угощение попробую.

— Непокойно мне, дядя Егор, — Мария села рядом с ним и прижалась щекой к его плечу. — Я уже не раз пожалела, что перешла работать в сберкассе. Мне Никитична, уборщица наша,

по секрету сказала, что произошло с предыдущей кассиршей... Посадили её! — Дядя Егор насторожился и перестал жевать. — Сразу после денежной реформы дело завели. Никитична говорит, что Алевтина не виновата была, это Чижова, начальница наша, её под суд подвела. Помнишь, тогда в один день объявили, что новые деньги будут?

— Как не помнить... — отозвался дядя. — Хоть и немного денег накопил, а поволноваться пришлось. Десять старых на одну новую менять придумали.

— Правильно. Только тех, у кого были вклады до трёх тысяч, это не коснулось, они ничего не потеряли. Чижова тогда много старых денег в кассу притащила и заставила Алевтину задним числом вклады открывать. За это её и посадили, а начальница гуляет, даже с должности не сняли.

— Так зачем девка та согласилась? Лучше работу потерять, чем в тюрьме сидеть! — горячо говорил дядя Егор.

— Ты бы видел, какой тяжёлый взгляд у этой Чижовой. Как ей откажешь? Она с улыбкой смотрит, а у меня мурашки по спине бегут. — Мария передёрнула плечами.

— Может, ну её, эту сберкассу, вместе с зарплатой? Поищем тебе что-нибудь поспокойнее, — предложил дядя.

Мария покачала головой:

— Отсюда можно уйти только с волчьим билетом. Знаешь, какие у начальницы в городе связи?

Дядька тяжело вздохнул и озадаченно почесал затылок.

— Ничего, дядя Егор, прорвёмся! — громче воскликнула Мария. — Мне матери с сестрой помогать надо. Ты лучше расскажи, как там они проживают.

— Ладно, скажу как есть... Бескормица в деревне страшная. Зиму-то протянули кое-как на грибах да на картошке, а сахару с хлебом и не видали. Крапиве, лебеде люди и то рады. У Кузьмы с Малой Горки внук помер — заворот кишок случился. Парень какие-то корешки по весне выкапывал да ел. А кто и мох заваривал, пока трава в рост не пошла. Нужда из всех щелей ползёт. Одни клопы в хатах плодятся, — вспомнив про зловредных насекомых, Егор

поскрёб ногтями бок. — Клавдия, мать Василия твоего, совсем ослепла. Навязали ей верёвок по всему дому, вдоль них и ходит. Единственная дочь с дитём в посёлок подалась — полы в конторе моет. Изредка выбирается за семнадцать километров проведать мать: сготовит ей чего, в баню сводит да обстирает. Мужиков-то всех у них война забрала.

Мария печально вздохнула и опустила глаза, повлажневшие от воспоминаний о доме и о погибшем женихе.

— К Ольге, сестре твоей, Колька Точиллов зачастил, — продолжил Егор. — Ведь он как с войны вернулся, так всё и пил. А тут, представляешь, бросил. Твоим на прошлой неделе дров напиллил, обещал переколоть. Мать ему за это маленькую выставила, дак он даже не притронулся. Когда Колька ушёл, Ольга матери скандал закатила: зачем, говорит, бутылку показала, давно его пьяным не видела? Мы так и не можем понять: то ли парень за ум взялся, то ли паузу держит из-за Ольги.

— Может, и получится у них что. Колька, конечно, не подарок, но сейчас и такой мужик в цене, — попытожила Мария.

4

Ох уж эта северная погода! Ещё вчера солнце обжигало, а сегодня воробей на ветке по-зимнему нахохлился. Мария увидела проходящую мимо окна пожилую соседку в шерстяном платке и телогрейке, с грустью сняла со спинки стула лёгкое платье и убрала его в шкаф. Как обычно перед работой, она завернула в тряпицу кусок хлеба, два яйца и сунула свёрток в карман стёганой ватной куртки. Выходя из комнаты, осторожно притворила дверь, чтобы не потревожить спящего гостя.

Милицейская машина уже стояла возле крыльца кассы.

— Здравствуйте, Мария Спиридоновна, — без привычной улыбки поприветствовал старшина.

— Доброе утро.

— Совсем не доброе, — возразил милиционер. — У меня вчера товарищ с Хабарки исчез. Прохожие с берега видели, как штормом лодку с людьми перевернуло. Чувствует сердце

неладное... У него ведь рука нерабочая — самому не выплыть.

Марию обдало жаром. Она отвела глаза в сторону реки, словно спрашивая у неё, стоит ли делиться с милиционером тем, что знает.

Старшине девушка неуверенно ответила:

— Может, обойдётся...

— Надеюсь, — хмуро ответил он и, взяв из машины сумку, полную денег, вместе с Марией направился в сторону кассы.

В тот день она долго не могла настроиться на работу, а люди всё шли и шли с самого утра, упорно стучали в откидное окошко. Руки Марии машинально принимали и выдавали деньги, оформляли пособия, компенсации, открывали вклады, продавали лотерейные билеты, а мысли застряли во вчерашнем дне. Перед глазами стояло лицо той посетительницы с тёмными кудрями, в ушах звучал не по годам детский голос. Когда выдалась свободная минутка, Мария достала из ящика тот паспорт и со странной робостью взглянула на фотографию девушки, так похожей на неё. Казалось, что если с человеком случилась беда, то фотография обязательно должна отразить это. Но на карточке ничего не поменялось: всё тот же открытый взгляд, спадающие на плечи кудри.

В окошко требовательно постучали.

— Бумагина, открой, пожалуйста, — раздался голос начальницы.

«С проверкой пришла», — мелькнула у Марии мысль. Руки её задрожали. Мария взглянула на паспорт Надежды Шубной и быстро сунула его во внутренний карман своей жилетки. «Здесь не найдёт, а то несдобровать», — подумала она и открыла дверь.

— Спишь, что ли? — вместо приветствия грубо спросила Чицова.

— Нет. Документы вам приготовила, — оправдалась Мария.

— Я не с проверкой. Слушай меня внимательно, дело очень серьёзное, — начальница посмотрела на кассиршу в упор, — серьёзнее, чем ты думаешь.

Из принесённой сумки она вывалила запечатанные купюры и взглядом просверлила подчинённую:

— Знаешь, что это такое?

— Деньги, — робко произнесла та.

— Понятно, что не фантики... Какие деньги?

— Кажется, это старые деньги, — нерешительно ответила Мария.

— Да не такие уж и старые, ещё недавно в ходу были. Это дореформенные купюры. Во сколько к тебе наряд за сумкой приезжает? — начальница понизила голос.

— В шесть двадцать — шесть тридцать...

Чицова глянула на изящные золотые часы на своём запястье:

— Значит, через два часа... Вложишь сегодня в сумку эти старые купюры, опечатаешь и отдашь милиционерам. После восьми вечера к тебе приедет начальник лесобиржи Потапов или его зам. Ты их знаешь. Дождись! Новые деньги отдашь им. С центральной кассой я договорилась, там шум поднимать не будут. Утром привезу туда нужные купюры, и мы их заменим на те, что будут в сумке. Твоя задача сделать всё так, как я сказала. Ясно?

Растерянная Мария непонимающе смотрела на Чицову.

— Что молчишь? — начальница потрясла её за рукав. — Бывают случаи, когда нужно действовать не по инструкции. Если всё сделаешь правильно, хорошо отблагодарю. Ты море Чёрное видела?

— Не видела, — отрешённо произнесла девушка.

— Значит, не только увидишь, но и потрогаешь. Отпуск получишь и билеты на поезд, если всё сделаешь, как я сказала. Поняла?

— Поняла, — внутренне холодея, прошептала кассирша.

Как только Чицова скрылась из вида, Мария обмякла, опустилась на стул и, обхватив голову руками, зарыдала. В мозгу пульсировали слова дяди Егора: «Лучше работу потерять, чем в тюрьме сидеть!» Чтобы успокоиться, Мария дрожащими руками налила в стакан воды и маленькими глотками выпила её до дна. Немного придя в себя, она принялась искать нужное решение: «Как же быть? Сделать вид, что ничего не произошло, и действовать по инструкции?»

Мария понимала, что в лучшем случае лишится работы, а вернуться к матери с пустыми руками было нельзя. Исполнить волю начальницы? Наступить на те же грабли, что и

Алевтина?! Ни за что! Но неужели нет другого выхода?..

Вдруг ей вспомнилось увиденное однажды: крыса, загнанная в угол большим злобным соседским псом, в отчаянии кинулась на него... И тут же пришло решение — вот и она так же кинется! Мария ухватилась за эту мысль, не думая о последствиях.

Найдя в ящике стола толстую иглу, она вдела в неё капроновую нитку, сняла с крючка ватную куртку и зашила её рукав у запястья. Затем денежными пачками из сейфа наполнила его, словно мешок, и заштопала в районе плеча. Оглядев свою работу, принялась за другой рукав, но неожиданный стук в дверь отвлек её.

— Эй! Касса открыта? — прозвучал хриплый мужской голос.

Мария раздражённо крикнула:

— Закрыта! И сегодня уже не откроется!

Посетитель не решился больше спрашивать и молча ушёл.

Мария торопилась. Через несколько минут она справилась со вторым рукавом и накинула ватник себе на плечи. «Даже не заметно, что в рукавах что-то есть», — подумала удовлетворённо и вернула куртку на крючок. Рабочую холщовую сумку Мария забила старыми купюрами. Только она заполнила сопроводительную ведомость, как у самого крыльца заскрипели тормоза милицейского «козлика».

— Мария Спиридоновна, что-то случилось? — старшина, беря сумку из её рук, озабоченно всматривался в лицо девушки.

— Голова болит, — Мария попыталась улыбнуться. — Выпила таблетку, скоро пройдёт, не волнуйтесь.

— Ладно, тогда мы поехали. Будьте здоровы!

Кассир взглядом проводила милицейскую машину, схватила платок, натянула сапоги и налегке помчалась в сторону своего дома.

5

В комнате дядька сидел возле окна и водил пальцем по строкам утренней газеты. В распахнувшуюся дверь влетела племянница.

— Дядя Егор, меня в срочную командировку отправляют. Беги запрягай коня — на поезд

надо успеть. Я вещи соберу и оставлю в коридоре. Заскочи за ними, а потом подъезжай к моей работе. Нужно комнату освободить, так что сегодня у тебя здесь переночевать не получится.

Удивлённый гость поднялся из-за стола:

— Ладно, к Семёнову наведаюсь. Он этому только рад будет.

Егор начал одеваться, понимая, что расспрашивать племянницу сейчас не время.

Мария бросилась к шкафу, стянула сверху фанерный чемодан и принялась спешно кидать в него одежду с полок и вешалок. Егор скрутил свою котомку, надел кепку и скрылся за дверью. Чемодан с вещами девушка выволокла в коридор.

— Куда это наша барышня намылилась? — раздалось из темноты коридора.

Мария вздрогнула.

— Баба Глаша, напугали! Меня срочно в длительную командировку отправляют. Я только что хотела к вам заглянуть и попрощаться. Долгов по комнате нет — вперёд плачу. Там всё в порядке. Ключ в замке. Мне бежать надо. За вещами скоро приедут.

— Ну беги-беги... Надумаешь вернуться — милости просим. Где мне ещё такую путную квартирантку найти... — последние слова баба Глаша сказала уже себе, с грустью глядя вслед убегающей девушке.

Конь переминался возле берёзы, ошипывая редкую траву. Егор сидел в телеге, глядя из-под густых пепельных бровей на беспокойную Двину. Он чувствовал, что у них с рекой схожее настроение. Вчерашний тревожный разговор с племянницей и сегодняшняя её суета всё больше волновали его. Егор увидел, как Мария выскочила из сберкассы, бросив к ногам скрученный ватник, живо накинула на дверную проушину массивный засов и повесила замок. Присела у крыльца, сунула в тёмный подвальный проём связку ключей, торопливо поднялась, подхватила ватник, огляделась вокруг и побежала к его телеге. «Разве так уезжают в командировку?» — удивился Егор и отвёл взгляд в сторону.

Гнедой тронулся с места нехотя, будто боялся вывести из состояния задумчивости своего хозяина, но вскоре прибавил шагу и уверенно

пошёл вдоль берёзовой аллеи в сторону вокзала. Мария набросила на плечи ватник, застегнула его на верхнюю пуговицу и украдкой взглянула на дядю, мысленно благодаря его за то, что он её ни о чём не спрашивает. Потом посмотрела на удаляющееся здание сберегательной кассы, на задёрнутое плотными занавесками окно с толстыми прутьями решётки и поняла: старая, стеснённая строгими правилами и условностями жизнь рушится. На мгновение Марию с головой накрыла полная беспечность. Она так радовалась, что навсегда оставляет эту мрачную клетку! Но очень скоро обманная лёгкость внезапной свободы сменилась бескрайним смятием. «Во что я ввязываюсь? — терзалась Мария. — Может, пока не поздно, повернуть назад? Как будто забыла в кассе важную вещь, а потом сказать дяде, что позвонила Чижова и отменила командировку...» Девушка воспрянула духом: ещё не поздно остановиться! Но тут же вновь погасла: а что будет после? Одну решётку кассы сменить на другую? Ну уж нет! Пусть даже она пожертвует собой, но не даст умереть с голоду сестре и матери.

Заморосил нудный дождь. Дядя Егор нашарил в углу телеги солдатскую плащ-палатку и накинул её на плечи племянницы поверх ватника, себе же натянул на глаза капюшон брезентовой куртки и встряхнул вожжами, потоплив коня. Этот капюшон будто разделил попугачиков. Мария теперь не боялась встретиться с дядей взглядом и грустно смотрела на его намокшие сутулые плечи. Ей так хотелось сесть поближе к нему, прижаться, как в далёком босоногом детстве. Но сейчас её останавливало чувство вины. По щекам девушки потекли слёзы. Чтобы остудить нахлынувшую горечь, Мария подняла голову и отбросила на кидку — капли равнодушного дождя посыпались ей на лицо.

Конь остановился на пологом песчаном берегу, усеянном лодками и небольшими катерками. Они переправляли людей на ту сторону реки, где расположилась вокзальная пристань, а за ней и сам железнодорожный вокзал. Возле судёнышек копошились перевозчики: подтаскивали вещи и поджидали пассажиров, желающих перебраться к поезду. Недалеко стоял ши-

рокий паром с конными повозками, нагруженными ящиками, мешками, коробками.

Мария скинула плащ, соскочила с телеги и вплотную подошла к дяде. Она поправила ватник и украдкой вытащила из его внутреннего кармана замотанный в серую ткань прямоугольник:

— Передай это маме... Это — Васиной сестре... А это — тебе. — Ещё два похожих свёртка переместились в руки Егора. — Спрячь подальше, не надо, чтобы их кто-нибудь видел, — попросила племянница, глядя на его недоумённое лицо.

— Гражданочка, вы едете? — раздалось от ближнего речного «трамвайчика». Мария кивнула в сторону голоса, крепко обняла дядю, а потом, выхватив из телеги свои вещи, торопливо пошла в сторону катера.

Егор потерянно смотрел вслед удаляющейся лодке. Он отчётливо понимал, что спешная «командировка» племянницы — результат его неосторожного рассказа о мучительной деревенской доле. Егор стиснул пальцами спрятанные в карман пачки денег, которые должны спасти людей от беспросветной нужды. Но какой ценой? Перечёркнутой судьбой родного человека... Он вцепился зубами в вожжи и издал такой утробный рык, что конь от неожиданности дёрнулся и, ускорившись, помчался вперёд.

Подушка, забытая второпях Марией, возвращалась в родительский дом без своей хозяйки.

6

— Девушка, вам куда? — писклявый голос билетного кассира вывел Марию из оцепенения. — Куда, спрашиваю, едете? Вам тоже билет до Вологды?

— Да... До Вологды, — ответила не сразу Мария.

«Почему я сказала: до Вологды?» — отходя от кассы с билетом, отрешённо спрашивала себя Мария. Она вдруг осознала, что даже не задумывалась о том, как ей быть дальше. Мария покинула здание вокзала и вышла на широкий деревянный перрон. Люди сновали по перрону в разные стороны, отпихивая её плечами, мешками, чемоданами. Мария заметила около час-

токола, огораживающего перрон, свободный проём и втиснула в него свои вещи, устало опустилась на чемодан и поняла, что хочет есть.

Достав из парусиновой сумки хлебный ломоть, она едва поднесла его ко рту, как почувствовала на себе чей-то взгляд. Повернув голову, Мария увидела голодные детские глаза. Бледная девочка лет восьми смотрела на неё не мигая. Её худенькие плечи прикрывал бывший когда-то белым платок, а тельце — лёгкое изношенное платьишко. Девочка дрожала и всё сильнее прижималась к дремавшей возле неё женщине с изможденным лицом и натруженными руками.

Мария разломала кусок хлеба и бóльшую часть предложила девочке. Та потянулась было к хлебу, но вдруг боязливо взглянула на спящую женщину. Девочка осторожно прикоснулась ладошкой к щеке женщины и жалобно сказала: «Мамочка, я хлеба хочу». Та приоткрыла глаза и увидела рядом незнакомку, протягивающую хлеб. На лице женщины мелькнуло недоумение, но протянутый ломоть она всё-таки взяла и, кивнув в благодарность незнакомке, передала его дочери. Прижав хлеб к губам, девочка часто-часто, словно мышка, стала кусать его.

От жалости у Марии перехватило дыхание, она укрыла девочку ватником. Взглянув на свой кусок хлеба, она протянула его женщине и теперь получше разглядела её лицо. Мария оторопела: на неё смотрели до боли знакомые глаза. Где она могла их видеть? Память перенесла её в детство: неужели это та самая соседская девочка, которую избегали все деревенские дети?..

7

Недалеко от дома, где жила семья Марии, в покосившемся сарае ютилась женщина с дочкой. Тяжело им приходилось. Соседи нечасто встречали их на улице. Иногда, обычно в теплые солнечные дни, женщина всё же выходила на свежий воздух. Она шла к просевшей скамейке и сидела на ней, подставляя болезненно серое лицо солнцу. Порой на неё накатывали приступы мучительного кашля, и она зажимала рот тряпкой.

Мама строго наставляла маленькую Машу: — Машка, не подходи к ним! Это раскулаченные.

— А кто такие раскулаченные? — спрашивала дочь.

— Те, кто над бедными издевались. А сейчас у них всё забрали и выгнали из дома. Так им и надо! — мстительно говорила мать.

Поначалу Маша не испытывала к этим людям никаких чувств, кроме любопытства. А однажды председатель колхоза, будучи в их доме, сказал, что рядом живут враги, и тогда в детской Машиной головке стало что-то происходить. Поначалу она допускала, что мать могла и напугать, но председатель, грамотный всезнающий человек, ошибаться не мог. Маша ощущала, как у неё внутри зарождается жгучая ненависть. Теперь она понимала, кто такие враги, и чувствовала, что ей нужно что-то предпринять, чтобы избавиться от их присутствия. Перед сном, лежа в постели, Маша обдумывала, чем можно досадить этим «врагам». Однажды она хотела поджечь их сарай, но вдруг вспомнила, как недавно в другом конце деревни горела баня рядом с домом — люди еле спасли его. Не решилась Маша поджечь тот соседский сарай, ведь если он загорится, то пламя может перекинуться на их избу.

В один из дней Маша нашла в зарослях малины укромное место и оттуда наблюдала, как соседская девочка, напевая протяжную песню, пеленала и баюкала свою куклу. Такой красивой игрушки Маша ещё никогда не видела. Тряпичная Машина кукла была безлика, а у куклы в руках соседской девочки были огромные голубые глаза и маленькие алые губки. Острая зависть пронзила Машу.

Из глубины сарая послышался женский голос, и девочка, оставив куклу на скамейке, пошла на зов. Не мешкая ни секунды, Маша протиснулась сквозь густой кустарник, перепрыгнула через широкую канаву, подскочила к кукле и начала бить её в лицо подобранным острым камнем. Налётчица остервенело расправлялась с причиной своей зависти, пытаясь попасть в ненавистные голубые глаза, в алые губы. «На тебе!.. На, на!» — захлёбывалась Маша яростью.

Очнулась лишь от истошного крика: «Не трожь Ингу!» Соседская девчонка уже бежала к ней. И тогда Маша швырнула изуродованную куклу хозяйке и кинулась наутёк. Забежав за угол родительского дома, она прижалась спиной к бревенчатой стене. Дыхание Маши сбилось, сердце бешено колотилось, в голове пульсировало: «Так им и надо!» Но почему-то радость от содеянного не приходила, вместо этого Маше стало жалко и куклу, и ту соседскую девочку, и себя. Ей представились широко распахнутые от испуга глаза девочки, бегущей спасать любимую куклу. Маша медленно осела на землю, до боли вцепилась пальцами в волосы и приглушённо заплакала.

А может, ничего не было и ей всё привиделось? Так хотелось ей в это поверить! Размазав ладонями слёзы по лицу, зареванная Маша выглянула из-за угла, пробралась на четвереньках в заросли малины и стала оттуда наблюдать.

Соседская девочка сидела на скамейке, прижимая к себе изуродованную куклу. Рядом с ней на коленях стояла мать и, обнимая дочь, смахивала слёзы. Нет, плакала не девочка, а её мама — на это обратила внимание Маша. «Не плачь, мамочка, — девочка ласково провела рукой по материным волосам. — Инга уже успокоилась, и ты успокаивайся».

Как?! Ей не жалко свою куклу? И почему не она, а мать ревёт?! Это удивило маленькую мстительницу. Вдруг она ясно представила, как со стороны выглядела эта расправа над чужой игрушкой. Детским сердечком Маша почувствовала, что поступила очень плохо. Значит, не соседи плохие, а она сама! Значит, не их, а её саму надо ненавидеть! И Маша вновь горько заплакала.

Ночью Машу охватил жар. Во сне кошмары один за другим накрывали ее. Встревоженная мама сидела возле постели Маши и протирала влажным полотенцем дочкино лицо. Лишь под утро та притихла и задышала равномерно.

Спала она долго, а когда наконец проснулась, оранжевый солнечный отблеск на оконной раме подсказывал: наступил вечер. Мамы поблизости не было, и Маша поднялась с постели. Слабая, подошла она к окну и увидела возле соседского сарая кобылу председателя,

запряжённую в телегу. Мужики вынесли из сарайки на матрасе какую-то ношу, укрытую простынёй, и забросили её в телегу. Маша успела заметить, как из-под серого полотна на дощатый настил вывалилась безжизненная женская рука. Маша вскрикнула, зажав руками глаза, и отошла от окна.

С улицы до её ушей донеслись гулкие звуки от ударов молотком. Это один из мужиков заколачивал доской вход в сарай. Маша вновь подошла к окну и увидела, как повозка тронулась, вслед за ней шёл председатель, он вёл за руку девочку, прижимающую к груди куклу.

8

— Гражданка, ваши документы...

Мария посмотрела непонимающим взглядом на подошедших милиционеров.

— Документы предъявите! — потребовал лейтенант.

Мария неуклюже поднялась и, зажав между ног чемодан, стала шарить в сумке рукой.

— Сейчас... сейчас найду, — сбивчиво повторяла она, до конца не осознавая, что же нужно искать.

И неожиданно замерла. Возникла пауза. Милиционеры переглянулись.

— Гражданка, — офицер дотронулся до Марии, — у вас есть документы?

Девушка как будто очнулась.

— Да, да, сейчас... — опять засуетилась она.

Её рука потянулась к нагрудному карману и достала оттуда обёрнутый газетой паспорт Шубной.

— Куда направляетесь? — спросил милиционер, принимая документ.

— До Вологды. К тётке еду, — выпалила Мария и в подтверждение протянула билет.

— Покажите ваши вещи, — настаивал офицер.

— Здесь всякие мелочи, — объяснила она, протягивая распахнутую сумку. Затем, отступив, открыла чемодан: — Тут одежда с обувкой, других вещей нет, — словно не своим голосом пояснила Мария, боясь взглянуть в сторону ватника с зашитыми в него купюрами, который оставался на плечах девочки. Лейтенант раскрыл паспорт и внимательно посмотрел на

фотографию, затем недоверчиво оглядел Марию. В его глазах мелькнуло сомнение. Он протянул документ напарнику и что-то ему шепнул. Тот изучил фотографию и оценивающе взглянул на лицо девушки. И тогда Мария нащупала на платке узел, потянула за него, и на её плечи высыпались тёмные кудри. Милиционер снова посмотрел на девушку, кивнул коллеге и протянул паспорт обратно.

— Посадка уже началась. Счастливого пути, Надежда Яковлевна! — офицер поднял к козырьку руку, и они с напарником удалились.

Мария повернула голову и увидела испуганные лица женщины и девочки. Пытаясь успокоить обеих, она натянута улыбнулась и сдержанно произнесла:

— Поезд подошёл. Вы поедете?

— Нам некуда ехать, — печально выдавила женщина и, словно очнувшись, обратилась к девочке:

— Инга, верни тёте куртку!

Мария оцепенела. Теперь сомнений не осталось, ведь это редкое имя, словно зарубина на стволе памяти, преследовало её всю жизнь. Она подошла к женщине, опустилась перед ней на колени, бережно взяла в ладони ее изуродованные тяжелой жизнью руки и шёпотом сквозь слёзы произнесла:

— Прости меня за всё.

Внезапное изумление в глазах женщины

сменилось растерянной улыбкой: она узнала в Марии ту девочку-обидчицу из детства. Кончиками пальцев женщина погладила запястье Марии, пронзительно взглянула в её мокрые от слёз глаза и измученно произнесла:

— Бог простит, и я прощаю.

Девочка стала снимать с себя ватник, но Мария остановила её:

— Не снимай! Вам нужнее.

Паровоз протяжным гудком напомнил о себе. Повязав на голову платок, Мария с вещами направилась к поезду. Перед вагоном она обернулась и пристально всмотрелась в благодарные глаза женщины и растерянное лицо девочки. Девочка несмело несколько раз взмахнула рукой на прощание, улыбнулась Марии открытой детской улыбкой. А она повернулась к вагону и с лёгким сердцем шагнула в неизвестность.

Анатолий Валентинович НЕВЕРОВ

родился в 1976 году в Северодвинске.

Окончил Московский международный университет.

Юрист,

руководитель охранного предприятия.

Пишет прозу.

Автор книги «Главный поход».

Лауреат, дипломант нескольких литературных конкурсов.

Публиковался в журналах «Краснодар литературный»,

«Воин России», «Двина».

В журнале «Север» публикуется впервые.

